

Азия или Европа? Россия в поисках себя. Некоторые мысли о главном

Аннотация: статья посвящена поиску самоидентичности российской государственности. Автор размышляет о соотношении понятий «деспотизм» и «демократия» в исторической ретроспективе и сегодня, дает свой ответ на вопрос: с какой политической моделью (западной или восточной) отождествляет свое будущее Россия. Им анализируются основные векторы социально-экономического и политического развития планетарного социума и место России в них; рассматриваются модели глобализации, осуществляется сравнительный анализ традиционных и либеральных ценностей, концепции «плавильного котла» и «единства мира в его многообразии». Он пытается выявить линии демаркационных разломов цивилизаций, выяснить аксиологическую компоненту российской государственности и ее соотношение с мировыми аксиологическими концептами; предпринимает попытку на основе анализа всемирно-исторического процесса построить эмпирическое правило расчета российской государственности, сформулировать новые смыслы на базе славя исторического развития Востока и Запада. Пристальное внимание уделяется проблеме и тенденциям демократического развития, закону затухания демократии (там, где она была на фазе подъема: США – ЕС) и ее развитию (там, где она была слабо выражена: Россия, Исламская Республика Иран, Китайская Народная Республика). Видимо, с учетом этих тенденций будет формироваться новая центросиловая картина мира и место России в ней.

Ключевые слова: история, аксиология, Европа, Россия, Азия, восточный деспотизм, политарх, демократия, традиционность, глобализация.

Процессы глобализации ставят человечество перед проблемой унификации ценностей, аксиологических ориентиров, духовных скрепов. Предметом дискуссии является вопрос о том, что понимать под «унификацией». Является ли этот процесс формированием единой заданной матрицы для планетарного менталитета? Кто сформулирует новые смыслы, внесенные в повестку дня? Что такое «общечеловеческие ценности», существуют ли они в действительности? Сегодня очевидно, что мир движется в сторону англо-саксонского проекта либерального мира, «плавильного котла».

Это понятие вошло в политическую лексику после премьеры в 1908 г. в Колумбийском театре Вашингтона одноименной пьесы (автор — британский драматург, выходец из России И. Зангуилл). Знаковым было присутствие на премьере президента США Т. Рузвельта. В финале главный герой произносит патетическую речь: «Вот он, великий плавильный котел!... Кельт и латинянин, славянин и тевтонец, грек и сириец, черный и желтый... Здесь все они и объединяются, чтобы создать Республику Людей и Царство Божие»¹. Следуя посы-

лу автора, американцы воплощают в себе достоинства всех людей и обречены логикой исторического развития следовать в авангарде социально-политических процессов создания Царства Божия на земле. К этому призывает и протестантизм: брать от жизни все здесь и сейчас. Так формировался американский мессианизм, заложенный в концепции Божьего града на земле еще первыми переселенцами: унификация мира — в его американизации. Либеральный проект был предложен, а в конце XX – начале XXI в. навязан миру как стандарт.

Однако не всякий успешно функционирующий в одних цивилизационных границах проект может быть успешен при механическом перенесении его в инокультурную среду. В свое время К. Маркс в фундаментальной работе «Британское владычество в Индии» показал деструктивные последствия внедрения колонизаторами в Индии демократических принципов и разрушения традиционного общинно-иерархического уклада².

Провалом заканчивались попытки «демократического транзита» на российской почве. Отмечается устойчивая связь попыток западных либераль-

¹ Zangwill I, The Melting Pot, N-Y, 1909, p. 41.

² Маркс К., Энгельс Ф. Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. 2-е изд. Т. 9. М., 1957. С. 154.

ных реформ российского государства с феноменом «русской смуты» (от Лжедмитрия I до М. С. Горбачева). Парадигма российской государственности не одно столетие блуждает в лабиринте политических систем и цивилизационных моделей в поисках обретения смысла, пути развития, пытаясь выявить ориентиры и определить демаркационные линии цивилизационных разломов. Современная Россия по-прежнему пребывает в сомнениях относительно выбора между западничеством и славянофильством, оставаясь государством с непонятным будущим и непредсказуемым прошлым. Если пользоваться терминологией А. Дж. Тойнби, то в начале 1990-х гг. в России спало «напряжение границы» и «платой за свободу стала опасная потеря равновесия»³. Общество всколыхнуло дискуссии о том, какое будущее нас ожидает, каково соотношение формационного и цивилизационного в методологии познания истории. Снова обрели актуальность извечные российские вопросы «кто виноват» и «что делать», хотя логичнее было бы задаться вопросами «куда идти» и «какова конечная цель», в чем самобытность нашей национальной идеи и в чем заключается эта идея, которая должна стать скрепом народа и российской государственности.

1990–2000-е гг. называют «переходным периодом». Это выражение употребляется столь часто и бездумно, что потеряло смысл. Однако в нем сокрыт большой смысл. Если период переходный, то это переход от чего к чему: от коммунизма к капитализму: от периферии к центру, или наоборот; от традиционного общества к современному; от православия к протестантской этике; от национального государства к своему месту в глобальном мире (бензоколонка Европы, как вариант). Вопросов много, но очевидно одно: «Сегодня мы застряли в пространстве между двумя разными типами государства и нас усиленно тянут и толкают к тому берегу, где главным и почти тотальным средством господства станет манипуляция сознанием»,⁴ информационно-психологические войны, уже наглядно проявившиеся в «арабской весне» (2011).

В начале 1990-х гг. российские обществоведы приступили к самобичеванию, подключив к процессу самоистязания все общество. Россия проклинала прошлое, забыв о предостережении Ф. М. Достоевского, прозвучавшего в «Бесах»: «Кто проклянет прошлое, тот уже и наш». Мы отказывались от самих себя, от своих традиций и ценностей, забыв о долге, морали, патриотизме, чести и достоинстве. Мы порывали с деспотией, азиатчиной и вступали в ряды цивилизованного человечества, т. е.

Запада, который манил массовой культурой, вседозволенностью — и одновременно правами человека. Пришедшие к власти демократы выдвинули задачу «превращения России из большого гиганта Евразии в члена западной зоны сопроцветания»: «учиться у передового клуба как жить цивилизованным образом, в частности при прямом участии на всех этапах западных экспертов подготовить и осуществить совместные программы реформ в сферах экономики, безопасности и конверсии»⁵. За 20 лет выросло новое поколение — генерация с новым культурно-историческим кодом, продукт глобального мира. Позабыв о былых заслугах национальных лидеров, позарившись на западные глянцевики «Twitter» и «Facebook», растоптав традиционность и веру, оно смело политические режимы в Тунисе, Египте, Йемене, Ливии. Здесь снова вспоминаются слова Тойнби: «Может ли кто-либо заимствовать чужую цивилизацию частично, не рискуя быть поглощенным ею целиком и полностью»⁶.

Преодоление «переходного периода» состоит в том, чтобы обрести культурную идентичность, овладеть новой ситуацией в духовном пространстве и «восстановить присущие нашей культуре координаты для ориентации в вопросах Добра и Зла»⁷. Вместо того, чтобы бесконечно теоретизировать, необходимо измерить гипотенузу и катеты десятка треугольников российской социально-экономической системы и сформулировать эмпирическое правило.

В начале 1990-х гг. наиболее резонансными и обсуждаемыми стали концепции, выдвинутые американскими учеными Ф. Фукуямой и С. Хантингтоном. Саморазрушение СССР убедило Запад в силе и прогрессивности его идеологии: там утверждали, что СССР «развалился» именно в силу ущербности и бесперспективности своей идеологии. Как обоснование «нового мирового порядка» возникла концепция Фукуямы о «конце истории», т. е. о торжестве западной либеральной демократии. Фукуяма был не первым и не последним апологетом истории (когда-то Г. В. Ф. Гегель видел политический идеал в прусской авторитарной монархии, называя ее венцом исторического развития). Однако Фукуяма, увлекшись теоретизированием, не заметил главное диалектическое противоречие своей научной гипотезы. Конец истории — это ее смерть, а сущность исторического процесса — движение, жизнь во всем многообразии, не поддающаяся тотальному контролю и прогнозированию. Эволю-

⁵ Moscow News/ September 29, 1991.

⁶ Тойнби А. Д. Указ. соч. С. 7.

⁷ Кара-Мурза С. Г. Указ. соч. С. 6.

³ Тойнби А. Д. Постигание истории. М., 2010. С. 113.

⁴ Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции. М., 2009. С. 5.

ция российской политической системы 2000-х гг. и поиски Россией своего места в международных отношениях свидетельствуют о том, что Фукуяма поторопился с прогнозом. Его идея вряд ли приведет человечество к светлому будущему. «Если слепой ведет слепого, то они оба упадут в яму»⁸.

Контраргументом теоретизированию Ф. Фукуямы стала концепция С. Хантингтона. Он усмотрел в постбиполярном мире новые вызовы и угрозы. Столкновение цивилизаций, водораздел между которыми проходит по линии евро-атлантической цивилизации и остального мира, неизбежно, ибо цивилизационный экспансионизм Запада обернулся против него самого. Обретают силу и мощь исламская и православная цивилизации. «С одной стороны, Запад находится на вершине своего могущества, а с другой, и возможно как раз поэтому, среди незападных цивилизаций происходит возврат к своим собственным корням. Все чаще приходится слышать о “возврате в Азию” Японии, о конце влияния идей Неру и “индуизации” Ближнего Востока, а в последние годы и споры о вестернизации или русификации новой России. На вершине своего могущества Запад сталкивается с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли и ресурсов, чтобы придать миру незападный облик»⁹.

Не вдаваясь в методологические аспекты формационного и цивилизационного подходов (суть дискуссии между ними в примирительном ключе заключается в тезисе: «нет формации вне цивилизации, нет цивилизации без формации»), отметим аксиологическую сторону вопроса. Идея множественности, а не многообразия, полярна идее унифицированной цельности, единства. Абсолютизация вариативности имеет деструктивные последствия для осознания духовного единства человечества, смещая систему с оси координат, размывая границы между добром и злом. Осознавая угрозы, содержащиеся в концепте множественности миров, суд инквизиции принял в 1600 г. решение о сожжении его автора Джордано Бруно, чей постулат подрывал традиционную систему ориентиров «Бог – Дьявол»¹⁰.

Теоцентричная модель мира выстроена на основе противостояния добра и зла. Концепция цивилизационной вариативности, предложенная А. Дж. Тойби и продолженная С. Хантингтоном в ценностном аспекте, противоречит теоцентристскому подходу, ведь множественность цивилизаций предполагает множественность подходов к

определению «добра и зла». Перспектива духовного единения планетарного социума на основе базовых традиционных ценностей при такой постановке вопроса упраздняется. Понятие «добра и зла» в современном глобальном мире монополизируется «глобализаторами», устанавливается в их трактовке и понимании; духовное единство глобализирующегося мира возможно на основе либо американской модели, либо традиционных ценностей, под лозунгом индонезийского поэта XIV Мпу Тантулара: «Единство мира в его многообразии».

Вопрос об обретении себя в мире для России сводится к формулировке пресловутого эмпирического правила. Опыт погружения в западнотрихную модель дал понимание его неэффективности при внедрении на нашей почве. С какой же политической системой Запада или Востока ассоциирует себя двуглавый орел российской государственности? Что нам стоит перенимать у них, каков цивилизационный фундамент для обретения самоидентичности? Так ли страшен азиатский деспотизм? Может, мы снова оказываемся в плену стереотипов, становимся игрушкой в руках манипуляторов сознанием, разделяющих мир на цивилизацию Запада, основанную на священной частной собственности, правах человека, либеральной демократии и традиционного отсталого Востока, представленного режимами-изгоями (Ирана, Сирии, коммунистическо-капиталистического Китая и др.). Вопрос выбора пути развития станет значительно более ясным, если мы попробуем разобраться в дефинициях, уточнить смысл смыслов.

Проблема общественного строя стран Востока неразрывно связана с методологической концепцией «азиатского способа производства» или азиатского деспотизма, которая и является «ключом к восточному небу»¹¹. Суть ее сводится к отсутствию на Востоке частной собственности, к господству сельской общины и политической деспотии. Попытаемся на конкретном историческом материале показать, как осуществлялась индоктринация понятия «восточный деспотизм» в европейской историографии и выявить корректность сопряжения понятия «деспотия» с определением «азиатская» или «восточная». При анализе следует учитывать, что название режимов является лишь символом, их самоидентификация намного сложнее. Необходимо снятие идеологических смысловых нагрузок и многомерное изучение деспотизма как политического явления.

⁸ Матфей. XV. 14.

⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2010. С. 241.

¹⁰ Джордано Бруно перед судом инквизиции (Краткое изложение следственного дела Джордано Бруно) // Вопросы истории религии и атеизма. Место, 1956. С. 349–416.

¹¹ Воронин С. А. Ключ к восточному небу (методологические аспекты дискуссии о социально-экономическом строе стран Востока) // Восток–Запад: приоритеты эпох. М., 2012. С. 278–287.

Несмотря на заслуги и лавры Ф. Бернье (французского философа, врача и путешественника, в своей книге «История последних политических потрясений в государстве Великого Могола» отметил главную специфическую черту социально-экономического строя стран Востока — отсутствие частной собственности на землю), первый шаг в этом направлении сделал за несколько десятилетий до него Т. Ро (британский посол при дворе Великого Могола Джахангира в 1615–1619 гг.). Ро писал: «Он (король) наследует каждому подданному после смерти»¹². Линия исследований Ро и Бернье была продолжена в трудах братьев Паттонов, Р. Джонса, Т. Раффлза, К. А. Виттфогеля, К. Маркса и Ф. Энгельса. Понятие «азиатский способ производства» (АСП), сформулированное Марксом и Энгельсом, позволило выявить специфику общественного строя Востока, однако не вписывалось в 5-членную картину теории общественно-экономической формации. Более того: возможно, они оказались в теоретической ловушке, поскольку исходили из постулата о том, что основа эксплуатации — частная собственность на средства производства, а в странах с господством аграрного сектора — частная собственность на землю. Отсюда следовало, что в обществе, где не было частной собственности на средства производства (т. е. на Востоке), не могло быть ни эксплуатации, ни классов. Но деспотия как форма политического устройства и эксплуатация человека человеком, вплоть до права распоряжения жизнью граждан, были на Востоке. Таким образом, необходимо было объявить восточные деспотии коммунистическими либо признать: отсутствие частной собственности и классов неминуемо ведет при коммунизме к установлению деспотической власти. Как полагает К. А. Виттфогель, ужаснувшись такому открытию, Маркс отказался от употребления термина АСП, спровоцировав тем самым научные дискуссии по вопросу АСП. Дискуссии 1930-х, 1950–1960-х, 1990-х гг. ничего нового не дали. Однако сама теоретическая база позволила Ю. А. Семенову сгенерировать прорывную концепцию «политарного способа производства», применимую и к России. Он ввел в научный оборот понятие «общеклассовой частной собственности», базирующейся на иерархически организованной корпорации верховных собственников, состоящей из низших собственников, верховных советников и, наконец, наивысшего собственника. Такая частная собственность названа им «персонально-корпоративной» и проиллюстрирована на примере западноевропейского феодализма и возникновения

абсолютизма в Западной Европе (рядовые дворяне — бароны, графы, герцоги — король). Группой, владеющей средствами производства (работниками) и использующей их для безвозмездного присвоения продукта их труда, может выступать господствующий класс в целом; в этом случае средствами производства владеют все его члены, вместе взятые, но ни один из них в отдельности. Это и есть общественная частная собственность, которая всегда приобретает форму государственной собственности. По мнению Ю. И. Семенова, именно она лежит в основе АСП¹³.

Следовательно, «азиатский способ производства» присущ определенному этапу истории и Востока, и Запада. Поэтому не случайно, после возвращения Бернье из Индии и публикации его трудов Людовик XIV проявил интерес к социально-экономическому устройству империи Великих Моголов и задался вопросом, а не внедрить ли эту систему во Францию, закрепив де-юре сложившиеся де-факто отношения собственности и объявив абсолютного монарха верховным собственником земли. Ф. Бернье в «Записке к Кольберу» постарался показать неприемлемость такого подхода.

Определение «азиатский» сформировалось и в связи с тем, что европейцы при изучении социально-экономических отношений на Востоке столкнулись с теоретически непривычной для них формой собственности, практически существовавшей при позднем феодализме и абсолютизме в самой Западной Европе. Двойные стандарты, европоцентризм не позволили им провести объективный анализ и привели к тому, что эти отношения получили клишированное определение азиатских и деспотических, которые могут существовать только при поголовном рабстве на деспотическом авторитарном Востоке и неприемлемы на Западе. По мнению же К. А. Виттфогеля и Ю. И. Семенова, отличный от рабовладельческого, феодального и капиталистического АСП существовал не только в Азии, но и в Европе, Африке, доколумбовой Америке, в царской и советской России, поэтому методологически неправомерно именовать его «азиатским».

Семенов предложил назвать его «политарным» (от греч. «полития» — государство), политаризмом, а верховного правителя — политархом, который был не собственником, а верховным распорядителем общеклассовой частной собственности, личности и имущества всех подданных. Спутником политаризма всегда выступал террор, носящий систематический характер; суть его заключалась не

¹² The Embassy of Sir Thomas Roe to the Court, of Great Mogul, 1615–1619. London, 1926, p. 89.

¹³ Семенов Ю. И. Политарный («Азиатский») способ производства. М., 2011. С. 302.

в наказании виновных, а в поддержании атмосферы всеобщего страха. По отношению к политарху подданные выступали в качестве рабов¹⁴. Политаристы должны были кормиться исключительно из рук политарха. Появление у них независимых источников дохода ослабляло иерархические связи. Неопределенность и неустойчивость положения политаристов была важнейшей чертой системы. От политарха зависел и объем получаемой ими прибыли. Теряя должность, они лишались средств к существованию. Отсюда вытекало стремление обзавестись собственным имуществом (недвижимостью, иными активами), втайне от центра увеличить размеры собираемого налога и присвоить излишек, используя свое служебное положение, за мзду покровительствовать купцам и предпринимателям. В процессе функционирования политарные системы становились закрытыми, в них прекращалась социальная мобильность. Подобная эволюция характерна для поздней Османской империи, которая до XVII в. была образцом социальной гибкости и предоставляла возможность даже рабам достигать вершин в политической системе.

Политаризм существовал не только на Древнем Востоке. В I в. до н. э. – I в. н. э. в ходе длительной эволюции Рим перешел от республики к империи. Становление политаризма сопровождалось массовым террором Луция Корнелия Суллы, Тиберия, Калигулы, Клавдия, Нерона. Формирование и развитие политаризма нашло выражение в смене принципата доминатом (единодержавием). Политарный способ производства сформировался в Западной Европе в конце Средних веков – начале Нового времени. Централизованные государства, обязанные своим появлением национальным рынкам, возникли в форме абсолютных монархий. Становление абсолютизма сопровождалось террором, с XVI в. захлестнувшим Западную Европу: «Костры инквизиции пылали ярче всего не в темной ночи Средневековья, а на заре Нового времени, что всегда поражало историков»¹⁵. Ж. Делюмо писал: «В Европе начала Нового времени повсюду царил страх..., различные формы демонического наваждения помогали укреплению абсолютизма»¹⁶. Инквизиция была важнейшим орудием террора периода становления абсолютистской монархии, которая распоряжалась и имуществом, и жизнью подданных. Ф. Минье так характеризовал французский абсолютизм: «Корона распоряжалась совершенно свободно личностью — при помощи блан-

ковых приказов об аресте; собственностью — при помощи конфискаций, доходами — при помощи налогов».¹⁷

В связи с вышеизложенным трудно согласиться с концепцией А. Л. Янова, разграничивающего азиатские деспотии с неограниченной властью монарха и абсолютные монархии Западной Европы, в которых власть монарха ограничена влиянием аристократии, что и послужило «матрицей демократического развития Запада»¹⁸.

Политарный способ производства сложился и в России в XV–XVI вв. Истоки процесс берет при Иване III Великом, становится явным при Василии III и завершается при Иване IV Грозном. «Опричный террор был вовсе не результатом плохого характера или психического заболевания этого монарха»¹⁹ — этих действий требовал утверждавшийся политаризм. Иван VI емко сформулировал право политарха: «А жаловати есмя своих холопов вольны, а и казнити вольны же...»²⁰. (Напомним, что король Англии Генрих VII в конце XV в. вырезал подчистую все феодальные рода норманнского происхождения; это тоже было следствием зарождения политаризма.) Как же происходило развитие политаризма на Руси? Жанр статьи позволяет обрисовать лишь контуры этого явления, пунктиром обозначить реперные точки многомерного процесса.

Покорение Руси монголами в XIII в. оказало на политическую систему и социально-экономический строй Древнерусского государства воздействие, вполне сопоставимое с влиянием политической культуры Арабского халифата на государства Иберийского полуострова, с влиянием Османской империи на менталитет и политическую культуру населения Балкан. Русь усвоила «технику монгольской государственности»²¹, монгольскую «систему управления». Но если навязываемая чужеземными завоевателями система абсолютно чужда, может ли она быть усвоена? В соответствии с концепцией сопротивления культур Ф. Броделя, чем выше давление чуждой культуры на автохтонную традиционность, тем выше сопротивление ей, тем отрицательнее результат воздействия. Русь же легко перемолола татаро-монгольскую политическую культуру, и как результат синтеза культур возникла комбинационная политическая система. Монгольская государственность стала зданием, возведенным

¹⁴ Семенов Ю. И. Политарный («Азиатский») способ производства. С. 303–304.

¹⁵ Там же. С. 325.

¹⁶ Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М., 1994. С. 352.

¹⁷ Минье Ф. История Французской революции с 1789 до 1814. М., 2006. С. 38.

¹⁸ Янов А. Л. «Откуда в самодержавной России взялся Герцен?» // Знание – сила. № 3. 2009. С. 93.

¹⁹ Семенов Ю. И. Указ.соч. С. 324.

²⁰ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 324.

²¹ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 225–226.

на древнеполитарном фундаменте Киевской Руси, логичным продолжением развития русской государственности, потому так легко и была усвоена. «Прямо или косвенно монгольское нашествие способствовало... и росту абсолютизма и крепостничества»²². Новации выразились в следующих чертах: служба князю из добровольной превратилась в обязательную, с отказом от службы человек лишался поместья; раздача поместий закреплялась только за князем, все свободные служилые люди стали государевыми; стала стираться грань между вотчиной (распоряжением) и поместьем (пользованием); крепостное право было сознательно введено государством. Так сформировалась политарная система. Русь аккумулировала монгольский сегмент, усилилась и сбросило ордынское иго.

Аналогичные процессы происходили в Японии, уже в VI–VII вв. заимствовавшей и синтезировавшей китайскую культуру, формируя самоидентичность. В XVIII–XIX вв., модернизируясь, страна осваивала «голландские науки», учась у «белых чертей Запада». В итоге японцы не перестали быть японцами, напротив — переполюсовались презрением к «другим»²³. В 1930-е гг. началась милитаризация Японии и создание идеологии панasiatизма. Претензии на азиатское лидерство рухнули в ходе разгрома японских войск СССР. После Второй мировой войны Япония была оккупирована США, но японцы не американизировались и, сохранив самоидентичность, создали экономическую супердержаву. Этот опыт свидетельствует: если сохраняются национальный менталитет и объединяющая национальная идея, внешние новации служат укреплению государства.

Во 2-й половине XV–XVI в. на Руси возник новый социоисторический организм: «Кончилась история Руси — началась история России — нового геосоциального организма, который почти сразу освободился от чужеземного владычества и обрел полную политическую независимость»²⁴. Россия, впитав новации, обрела самоидентичность, сформировала эффективную политическую систему. Ее «самость» была предопределена в числе прочего и годами ордынского ига: и по причине влияния татаро-монгольских государственных институтов на внутреннюю политику, и по тем месту и роли, которую Россия стала играть на международной арене. Татаро-монгольское завоевание вырвало Русь из центральной-восточноевропейской зоны. Вернулась она уже как специфическая геополити-

ческая зона, сохранив самостоятельность, расширив территории вплоть до Тихого океана и Аляски; российская историческая зона влияния превратилась в евразийскую. В ходе реформаторской деятельности Петра I и его преемников в течение XVIII в. Россия превратилась в одного из важнейших игроков мировой «великой шахматной доски» (термин Бжезинского). Распространение мануфактур способствовало формированию капитализма. Следствием его развития стала неудачная попытка буржуазной революции (движение декабристов, вооруженное восстание в декабре 1825 г.). Социально-политическая трансформация, произошедшая в ходе реформ 1860–1870-х гг., была эффективной. Финалом нового синтеза стало утверждение в России капитализма особого типа.

Широко известно методологическое подразделение мировых процессов и истории цивилизаций на центр и периферию, колонии и метрополию. Периферия обречена на догоняющее развитие, а колонии — на обслуживание метрополий. В этом смысле концепция глобализации XXI в. не вносит ничего нового. В Центре проживает «золотой миллиард» человечества, на Периферии — все остальные, обязанные создавать комфортные условия существования Центра. Отличие периферийного капитализма (а именно он и сформировался в России) состоит в том, что он привнесен извне, возникает под чуждым влиянием, а не вследствие вызревания внутренних причин, эволюции социально-экономической системы, политических институтов — и зачастую не отвечает традиционному менталитету общества. Капитализм становится для стран периферии тупиковой ветвью эволюции. Реакцией на периферийный капитализм были революции, направленные против диктата Западного центра (их правильнее называть национально-освободительными) и прокатившиеся почти одновременно в странах периферийного капитализма в начале XX в.: Россия (1905–1907), Иран (1905–1911), Османская империя (1908–1909), Китай (1911–1912), Мексика (1911–1917). Заключительным аккордом этих антикапиталистических выступлений (не уверен, что термин «социалистическая революция» корректен) стала Октябрьская революция 1917 г.

В результате социальных потрясений, которых так справедливо опасался П. А. Столыпин, социализм не возник, но антикапиталистическая революция вырвала Россию из международной капиталистической системы, ликвидировала отношения с Западом, построенные по схеме «опережающий центр – вечно догоняющая периферия». Россия в модели СССР обрела самоидентичность, что и обусловило ее модернизацию и стремитель-

²² Вернадский Г. В. Империя России. Монголы и Русь, М, 1997, с. 5.

²³ Бажанов Е. П., Бажанова Н. Е. Указ. соч. С. 39-40.

²⁴ Семенов Ю. И. Указ. соч. С. 268.

ное экономическое развитие в 1930-е гг. СССР стал мощной индустриальной державой. Россия вновь вернулась к политаризму, что сопровождалось индустриальным прорывом на фоне запуска репрессивного сталинского механизма, обеспечившего устойчивое функционирование политарной системы. Неополитаризм просуществовал до 1985 г., когда он перестал быть эффективным. Ослабевшие политархи (Л. И. Брежнев, К. У. Черненко) уже не могли контролировать систему, среднеполитархи обростали частной собственностью и, обогатившись, требовали легитимизации своего статуса. Этим был подспудно вызван процесс «перестройки»: будущие бюрократы-капиталисты (кабиры) привели к власти М. С. Горбачева. В начале 1990-х гг. в России произошли контрреволюция, отказ от собственного пути, выбор в пользу периферийного капитализма. США и Запад выстраивали свои отношения с Россией в те годы по принципу «метрополия – колония». Ситуация начала меняться лишь в начале 2000-х гг.

Контрреволюционная элита, захватив власть и разрушив СССР, присягнула на верность Западу. Именно Горбачеву, а не апологетам американского мессианизма, принадлежит фраза об установлении в мире «нового мирового порядка». Г. Х. Шахназаров в 1991 г. призывал к созданию единого мирового правительства под эгидой США на базе ООН²⁵. После распада СССР новые российские экономисты начали столь ретиво строить капиталистическую экономику под присмотром МВФ и МБРР, что их действия испугали даже американских советников. В «Открытом письме» (1991) М. С. Горбачеву 30 американских экономистов (включая лауреатов Нобелевской премии по экономике Ф. Модильяни, Дж. Тобина и Р. Солоу) предупреждали, что для успеха реформ в СССР надо сохранить землю и другие природные ресурсы в общественной собственности²⁶ (т. е. сохранить политарную систему, внеся инновации). На него не обратили внимания.

СССР, а после 1991 г. Российская Федерация активно втягивались в протестантскую экономическую модель. Компрадорская буржуазия осуществляла вертикальные связи (между развитым Центром и национальной периферийной экономикой), связав свою судьбу не с Родиной, а с метрополией как гарантом ее положения. Многочисленные некоммерческие организации транслировали адаптированные к российской действительности западные либеральные «ценности». Прошло немного времени, и капиталистические либеральные реформы привели к прямо противоположному результату. Капи-

тализм выступил как система, в которой «Я» выше «Мы», а коллектив, общинные интересы ничего не значат, где в основе успеха лежит концепция индивидуализма. Произошло столкновение цивилизационных моделей, так как православная эсхатология нацелена на коллективное спасение (поэтому практика взятия на поруки, помощи отстающим ученикам в школах была понятной населению).

Кальвин и Лютер подходили к этому вопросу иначе. Реформация оказала тектоническое воздействие на массовое сознание Запада, став основой протестантской этики капитализма, опирающейся на эгоцентричную картину мира и жесткую конкурентную борьбу и в экономике, и в политике. Произошел разрыв протестантов с Римской католической церковью («вавилонской блудницей»). «Материнская любовь Церкви и Богородицы не простиралась больше на человека. Он предстал одиноким перед серьезным и строгим Богом, чьей милости мог добиться только благодаря абсолютной покорности»²⁷. Современный Запад возник на волне массового религиозного страха, охватившего одновременно миллионы людей. Легитимизировав страх (душа, не терзаемая страхом, — добыча дьявола), Лютер его индивидуализировал — в результате отхода от идеи религиозного братства и коллективного спасения души. Отныне каждый индивидуально имел дело с Богом. «Произошедшая при отказе от коллективного спасения атомизация, в свою очередь, беспредельно увеличила страх и массовое озлобление»²⁸. Неудивительно, что главной темой гравюр А. Дюрера и Х. Хольбейна стала смерть (следствие религиозных войн и массовых казней, порожденных Реформацией). Идея смерти и «страх Лютера» и сегодня пронизывают массовое сознание на Западе (отсюда популярность фильмов ужасов).

В итоге столкновения идеологий-антагонистов советская партийная элита (номенклатура) легитимизировала свои накопления с помощью рыночной экономики и вновь захватила власть. Бывший советский разведчик, полковник КГБ М. П. Любимов поделился своим ликованием относительно событий 21 августа 1991 г. (неудавшегося путча ГКЧП) с коллегой за рубежом, бывшим царским генералом и получил ответ: «Это был просто второй этап октябрьского грабежа. Тогда забрали собственность, но отдали в руки государства. А через 70 лет коммунисты созрели для прямого грабежа — как еще назвать приватизацию?!»²⁹ Но без-

²⁷ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2009. С. 117.

²⁸ Кара-Мурза С. Г. Указ. соч. С. 219–220.

²⁹ Любимов М. П. Шпионы, которых я люблю и ненавижу. М., 1998. С. 357.

²⁵ Бажанов Е. П., Бажанова Н. Е. Указ. соч. С. 10.

²⁶ Грей Дж. Поминки по просвещению. М., 2003. С. 13.

время ельцинского правления закончилось. Запад уловил сигналы, свидетельствующие о переменах не в нужном ему направлении. Началась сложнейшая работа по возвращению активов в национальное достояние и погашению внешнего долга, борьба с оттоком капитала за рубеж. А главное, руководство страны осознало, что спасение страны состоит в ликвидации периферийного капитализма, освобождении от зависимости от Запада, в прекращении ее эксплуатации мировым капиталистическим центром. Во внешней политике точкой отсчета изменений стала Мюнхенская речь В. В. Путина (2007); Россия снова стала претендовать на роль центра силы.

Аксиоматично утверждение: глобализация имеет два уровня — мировой и региональный. Последний из них, включающий в себя специализацию регионов в рамках всемирного разделения труда, — самый значительный. Именно на нем выявляется роль США в экономическом развитии планеты: США — потребитель товаров и финансов, фактически не вносящий в глобальный процесс позитивного вклада. «Строгая математическая логика показывает, что через взаимодействие на основе географической смежности глобализация в самых глубоких своих проявлениях способствует перемещению мирового экономического центра тяжести в Евразию и усиливает тенденцию к изоляции Америки»³⁰. Значение «Сердца мира» («Heartland») — Евразии осознавалось ведущими геополитиками Запада с XIX в., а З. Бжезинскому мы должны быть признательны за констатацию факта географической изолированности США: политический центр мира (США) на самом деле расположен далеко от истинного центра (Евразии)³¹. В 2010-е гг. наиболее раздражающим фактором для Белого дома стала активность российского руководства на евразийском пространстве, его роль катализатора объединительных процессов. Итогом этой работы стало создание Евразийского экономического союза — первый шаг к евразийской интеграции.

Трансформация США привела к тому, что из страны, решающей мировые проблемы, они превратились в проблему для мира, фактор «управляемого хаоса». «Россия, Китай и Иран — три страны, абсолютным приоритетом которых является экономическое развитие, имеют сегодня лишь одну стратегическую озабоченность; противостоять провокациям Америки, не отвечать на них, более того, бороться за стабильность и порядок в

мире — немыслимый 10 лет назад поворот ситуации на 180 градусов»³². Международные эксперты отмечают, что США нуждается в поддержании ситуации перманентной войны. Точкой отсчета в перемене внешнеполитического курса стало 11 сентября 2001 г. Америка стала стремительно терять имидж легитимного мирового лидера; усилилась тенденция к субъективизму, стартовавшая еще в середине 1990-х гг.

В начале нами уже упоминалась концепция «конца истории» Ф. Фукуямы, в которой стратегическим направлением развития названа универсализация либеральной демократии (и американизация мира). Трудно отрицать стремление народов мира к демократии, однако рассуждения Фукуямы не опираются на реальное многообразие мира, этноконфессиональных отличий, менталитетов и, как следствие, на дифференцированное понимание справедливости, добра и зла, своего места в быстро меняющемся мире.

Второй тезис западных политологов сводится к невозможности войн между либеральными демократиями³³. Объединяя два тезиса, в сумме мы получаем Землю, вечно пребывающую в состоянии мира. Судя по основным постулатам внешнеполитической доктрины, именно в таком развитии видят свою миссию США. Однако Э. Тодд приходит к парадоксальному выводу: если демократия восторжествует повсюду, то США как военная держава, продвигающая и поддерживающая демократию, станут ненужными миру и должны будут смириться с ролью лишь одной из демократий — такой же, как и все прочие³⁴. Эта будущая бесполезность США — ключевой фактор, позволяющий понять их внешнюю политику и страх оказаться в изоляции.

Гегемония США в некоммунистической части планеты в 1950–1990 гг. трансформировалась в мировую гегемонию после распада СССР. Крушение коммунизма в СССР стало парадоксальным образом началом крушения США. Получив роль арбитра в однополярном мире, они впали от него в прямую зависимость. За 10 лет (1990–2000) их внешнеторговый дефицит вырос с 100 до 450 млрд. \$³⁵. США виртуализировали экономику, став мегабрендом, ничего не производящим, зависящим от мировой регионализации экономики, но сохранившим два рычага силы: мировую финансовую систему, основанную на долларе, и боеспособную армию. Они больше не могут жить за счет соб-

³² Тодд Э. Указ. соч. С. 8.

³³ См., например: Doyle M. Kant, Liberal Legacies & Foreign Policy // *Philosophy & Public Affairs*. №12. 1983. P. 205–235.

³⁴ Тодд Э. Указ. соч. С. 19–20.

³⁵ Там же.

³⁰ Тодд Э. После империи Pax Americana – начало конца. М., 2004. С. 210.

³¹ Бжезинский З. «Великая шахматная доска». М., 1998. С. 13.

ственного производства³⁶. Мир же, находясь на пути стабилизации в сферах демографии, образования и демократии, открывает для себя, что может обойтись без США³⁷. Для них и для Западной Европы снижение потребления означает крах модели «общества всеобщего быстрого потребления и финансовых пузырей», в конце 1940-х гг. пришедшей на смену модели государственно-монополистического капитализма.

Увеличение числа демократий демонстрирует отсутствие демократии в самих США. Демократия как форма политического устройства является живой системой и эволюционирует: она прогрессирует там, где была слабой (Восток) и регрессирует там, где была сильной (Запад), вырождаясь в в олигархическую политическую систему. Прогресс демократии мы видим и в России, Китае, Иране. США же продвигаются по пути «азиатского (политарного) способа производства», устремляясь к политической деспотии как внутри страны, так и на международной арене. Как это стало возможным? Попробуем разобраться.

Начнем с постановки вопроса: как долго свободный конкурентный рыночный капитализм, сопровождающийся либеральной демократией, присутствовал в США? История носит всемирный характер; идеологические доктрины служат целям правящих элит, легитимизации их права на управление. Выше нами было показано, что и на Востоке, и на Западе человечество двигалось по пути политаризма от древности до эпохи абсолютизма. Далее на Западе произошла основанная на протестантизме социальная мутация, давшая на определенном этапе импульс к развитию индивидуализма и приведшая к формированию нового способа производства. Учитывая фактор случайности, рано или поздно и на Западе, и на Востоке (где сформировался периферийный капитализм) все должно было вернуться на круги своя. В России это случилось в 1917 г. (и нашло выражение в индустриополитаризме Сталина), на Западе — в 1930-х гг. Истоки политаризма относятся ко времени возникновения государственно-монополистического капитализма (последняя треть XIX в.). Сращивание монополий с государством объединило господствующий класс в единый организм, логическим завершением процесса должно было стать появление политарного общества индустриального типа³⁸. Пришедшая на смену государственно-монопольному капитализму свободная рыночная экономика, просуще-

ствовав около 60 лет, завершилась финансовым коллапсом на Венской фондовой бирже (1873). За ним последовал 5-летний мировой кризис (по определению экономиста Э. Хансена, великая депрессия XIX в.)³⁹.

Катализатором трансформации капитализма в индустриополитаризм послужила Великая депрессия, охватившая в 1929 г. весь капиталистический мир. Системный кризис свидетельствовал: продолжение рыночного эксперимента может привести к социально-экономическому коллапсу. Стали ясны риски свободы рынка, а невиданные темпы развития СССР наглядно демонстрировали плюсы плановой, регулируемой экономики. Произошла невероятная метаморфоза: на какое-то время центр и периферия поменялись местами. Запад выходил из кризиса двумя путями. Очевидность государственного регулирования и конца свободного рынка были теоретически обоснованы Дж. М. Кейнсом и практически воплощены в «новом курсе» Ф. Д. Рузвельта. Возникший симбиоз капитализма и социализма явился мягкой формой политарного способа производства. Базируясь на этом фундаменте, США двинулись далее, закономерно повторяя типологизацию эволюции политических систем, осуществленную Аристотелем, — от демократической фазы к олигархической. Первое системное описание нового правящего класса (субполитархов) — «надкласса» (the overclass) — дано в работе М. Линда «Грядущая американская нация»⁴⁰: элитизм и популизм приводят к созданию общества «высшей вульгаты» (20 %), манипулирующей общественным мнением в своих интересах.

Другим путем пошли Италия и Германия, создав тоталитарную экономику политаризма, акцентом которой стали жесткое подавление инакомыслия, милитаризация общества, стремление к мировой гегемонии. Финал известен: «Тысячелетний» Третий рейх просуществовал лишь 12 лет.

Процесс, стартовавший в конце 1940-х гг., получил в наши дни логическое завершение. Угасает «общество потребления». Перестает быть привлекательной идеология общества равных возможностей и безграничного потребления (существующего (за счет неравноправного обмена с периферией, захвата и освоения ресурсов в новых колониях, перманентной империалистической войны). Современную демократию Запада сжато можно охарактеризовать так: избирательный процесс не имеет практического значения, а процент воздержавшихся постоянно растет.

³⁶ А вот Исламская республика Иран может, в чем автор этих строк убедился в ходе поездки в Тегеран в апреле 2012 г.

³⁷ Там же. С. 23.

³⁸ Подробнее см.: Семенов Ю. И. Указ. соч. С. 328–330.

³⁹ Подробнее см.: Березин И. Геостратегическая дымовая завеса // Однако. № 17. 04.06.2012. С. 32–39.

⁴⁰ Lind M. The Next American Nation. The Nationalist and the Fourth American Revolution. N-Y, 1995.

Тенденции, выявившиеся в конце XX – начале XXI в., формировались исподволь. Г. Лебон в начале XX в. отмечал: «Ряд фактов... совершенно четко показывает общую ориентацию в Европе на деспотические формы правления»⁴¹. Вектор демократизации и глобализации направлен прежде всего на демократизацию образа жизни западного человека: «...демократизируются автомобили, досуг, средства массовой информации»⁴². Высокая элитарная культура подменяется массовым культурным ширпотребом. В политической сфере происходит формирование демократического деспотизма. Детальное его изучение осуществил С. Московичи.

«Восточный деспотизм» (императорский Китай, фараоновский Египет), согласно Монтескье, Марксу, Виттфогелю и др., имел в основании ирригацию и социальное неравенство. На вершине строго иерархизированного общества находился деспот, требовавший абсолютного повиновения (согласно Ю. И. Семенову, политарх), что освящали традиция и религия. Власть была сконцентрирована в личности лидера. Московичи полагают, что такая пирамида власти свойственна не только Азии: применительно к современному обществу можно говорить о «западном деспотизме». Общество на Западе превыше всего ценит права человека, сжато выраженные в равенстве возможностей и обеспечении стабильности; при этом понятие «свобода» является вторичным для западного менталитета. Шатобриан уловил эту особенность: «Повседневный опыт заставляет признать, что французы бесспорно устремляются к власти, они несколько не дорожат свободой, их идол — равенство. Между тем, равенство и деспотизм соединены тайными узлами»⁴³. Неудачно сбалансированное правительство — прямой путь к анархии, поэтому необходим эффективный лидер, наделенный широкими полномочиями: «Нестабильность массового общества следует из неустранимого требования равенства и неверного использования свободы. Есть два возможных пути помочь этому... передать власть в руки одного лица или ... не передать власть в руки какой-то личности, а доверить ее своего рода анонимной директории.... Тем самым достигается точно такой отказ от свободы...»⁴⁴.

С. Московичи приходит к разграничению «восточного» и «западного» деспотизмов. Первый отвечает экономической необходимости, освоению трудовых мощностей, второй — политической необходимости и предполагает захват орудий

влияния и внушения (СМИ, манипулирующих сознанием и предлагающих глобальному миру тотальную диктатуру в демократической упаковке). В этом — суть современной политической системы Запада, международной транснациональной элиты, стремящейся к господству над миром и осуществляющей экспорт демократии, но при этом утратившую демократические ценности и переродившуюся в олигархическую деспотию.

Согласно М. Монтеню, лучшей формой государственного устройства страны является та, к которой она привыкла. Выбор национальным государством наиболее эффективной, соответствующей базовым ментальным ценностям модели и есть демократия. Что же необходимо для торжества демократии во всемирном масштабе? По нашему мнению, это: признание факта наличия разных версий демократии, многообразия ценностных установок, поликультурности, полиэтничности и поликонфессиональности мира — и прекращение использования политики «двойных стандартов». При таком подходе окажется, что Иран — не теократия тиранического типа, а иная (исламская) модель демократического развития (с многопартийной системой и т. п.)⁴⁵, джамахирийская модель в Ливии — альтернативный путь развития. Почему же переоценка ценностей не происходит? Причина очевидна: признание поливариантности демократического развития ставит США перед проблемой их ненужности миру.

Подводя итог, поделимся некоторыми мыслями о главном. В поисках обретения себя важно осознавать единство всемирно исторического процесса, понимать общие закономерности развития и Запада, и Востока, и России. Россия не должна стремиться к возврату в «цивилизованный мир», потому что она из него не выпадала. Основные ее усилия должны быть направлены на пробуждение гражданского сознания, сохранение коллективной исторической памяти, выстраивание системы национальных приоритетов. Показать россиянам, что их объединяет, к чему надо стремиться в краткосрочной и долгосрочной перспективе — это и есть национальная идея. Необходимы свои ценностные категории и мировоззренческие координаты, современная аутентичная модель культуры, ментальные установки, основанные на сплаве традиции и современности. Классическое школьное и университетское образование должно давать целостную картину мира, умение мыслить, устанавливать причинно следственные связи (это и будет надежной защитой от манипуляций массо-

⁴¹ *Le Bon G.* La psychologie politique. Paris, 1910. P. 117.

⁴² *Московичи С.* Век толп. М., 1996. С. 69–70.

⁴³ Цит. по.: *Canneti E.* Masse et puissance. Paris, 1966. P. 19.

⁴⁴ *Московичи С.* Указ. соч. С. 72.

⁴⁵ Заметим, что исламские ортодоксы часто заявляют: демократия — исламское изобретение, ведь еще в VII в. должность халифа была выборной.

вым сознанием и технологий информационно-психологических войн). Нам нужно продвигаться по пути евразийской интеграции, отказавшись от западоцентричности, вырваться из процесса глобализации с целью создания эффективной российской социально-экономической модели, дать миру новые смыслы (как в экономике, так и в политике) с тем, чтобы с нарабатанным потенциалом вновь влиться в глобальную экономику в роли одного из центров развития.

Созидание новых смыслов, место России в мире зависят от того, насколько руководство страны сможет, развивая национальные приоритеты, сделать ее полезной, необходимой и привлекательной для глобального мира⁴⁶. Мир, безусловно, будет глобальным. Однако это произойдет только при условии сохранения и уважения национальных различий. Истинная мультикультурность и толерантность состоят не в глобализации под эгидой государства-монополиста, а в формировании глобальной картины мира, основанной на равных правах и возможностях каждого в гетерогенной планетарной мозаике. В этой связи необходимо выстроить надежный заслон идеологии либерализма, основанной на уничтожении духовных тра-

⁴⁶ Такой исторический опыт имеется: после Второй мировой войны социально-экономическая модель и идеология СССР были популярны, создавали его притягательный образ.

диционных ценностей и на подмене их «общечеловеческими ценностями цивилизованного мира».

Главная стратегическая задача России сегодня состоит в защите национального суверенитета, в развитии себя как стабильного социально-экономического организма с ясной идеологией, подерживаемой гражданами. Коллективные усилия следует направить на повышение исторических амбиций, уход от провинциально-периферийного сознания. Россия обязана воспользоваться уникальным шансом, заключающимся в ослаблении центра и массовом разочаровании в справедливости притязаний Запада на авангардную роль, и стать локомотивом геополитических экономических процессов, предложить миру альтернативный цивилизационный проект, основанный на симбиозе национальных и глобальных интересов.

Тенденция к изменению мировой архитектуры очевидна, необходимо воспользоваться текущей конъюнктурой. Прообраз будущей мировой конфигурации, стремящейся от однополярности к многополярности, мы видим, например, в БРИКС — союзе пяти цивилизаций (следуя логике Хантингтона), в котором представлены все культурно-исторические типы: евразийский Север (Россия), азиатский Восток (Индия и Китай), африканский Юг (ЮАР) и дальний Запад (Бразилия).

Прообраз есть, надо действовать...

Список литературы:

1. Березин И. Геостратегическая дымовая завеса // Однако. № 17, 04.06.2012. С. 32–39.
2. Бжезинский З. «Великая шахматная доска». М, 1998.
4. Вернадский Г. В. Империя России. Монголы и Русь. М, 1997.
4. Воронин С. А. Ключ к восточному небу (методологические аспекты дискуссии о социально-экономическом строе стран Востока) // Восток-Запад: приоритеты эпох. М., 2012. С. 278–287.
5. Грей Дж. Поминки по просвещению, М., 2003.
6. Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М., 1994. С. 352.
7. Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции. М., 2009.
8. Любимов М. П. Шпионы, которых я люблю и ненавижу. М, 1998.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. 2-е изд. Т. 9. М., 1957.
10. Минье Ф. История Французской революции с 1789 до 1814 г. М., 2006.
11. Московичи С. Век толп. М., 1996.
12. Семенов Ю. И. Политарный («Азиатский») способ производства. М., 2011.
13. Тодд Э. После империи. Pax Americana — начало конца. М., 2004.
14. Тойнби А. Д. Постижение истории. М., 2010.
15. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995.
16. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2009.
17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2010.
18. Янов А. Л. «Откуда в самодержавной России взялся Герцен?» // Знание – сила. № 3. 2009.
19. Doyle M. Kant, Liberal Legacies & Foreign Policy // Philosophy & Public Affairs. № 12. 1983. P. 205–235.

20. Le Bon G. La psychologie politique. Paris, 1910.
21. Lind M. The Next American Nation. The Nationalist and the Fourth American Revolution. N-Y, 1995.
22. The Embassy of Sir Thomas Roe to the Court, of Great Mogul, 1615–1619. London, 1926.

References (transliteration):

1. Berezin I. Geostrategicheskaya dymovaya zavesa // Odnako. № 17, 04.06.2012. S. 32–39.
2. Bzhezinskiy Z. «Velikaya shakhmatnaya doska». M, 1998.
3. Vernadskiy G. V. Imperiya Rossii. Mongoly i Rus'. M, 1997.
4. Voronin S. A. Klyuch k vostochnomu nebu (metodologicheskie aspekty diskussii o sotsial'no-ekonomicheskom stroe stran Vostoka) // Vostok-Zapad: priorityety epokh. M., 2012. S. 278–287.
5. Grey Dzh. Pominki po prosveshcheniyu, M., 2003.
6. Delyumo Zh. Uzhasy na Zapade. M., 1994. S. 352.
7. Kara-Murza S.G. Vlast' manipulyatsii. M., 2009.
8. Lyubimov M. P. Shpiony, kotorykh ya lyublyu i nenavizhu. M, 1998.
9. Marks K., Engel's F. Britanskoe vladychestvo v Indii // Marks K., Engel's F. Polnoe sobranie sochineniy. 2-e izd. T. 9. M., 1957.
10. Min'e F. Istoriya Frantsuzskoy revolyutsii s 1789 do 1814 g. M., 2006.
11. Moskovichi S. Vek tolp. M., 1996.
12. Semenov Yu. I. Politarnyy («Aziatskiy») sposob proizvodstva. M., 2011.
13. Todd E. Posle imperii. Pax Americana — nachalo kontsa. M., 2004.
14. Toynbi A. D. Postizhenie istorii. M., 2010.
15. Trubetskoy N. S. Istoriya. Kul'tura. Yazyk. M., 1995.
16. Fromm E. Begstvo ot svobody. M., 2009.
17. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsiy. M., 2010.
18. Yanov A. L. «Otkuda v samodержavnoy Rossii vzyalsya Gertsen?» // Znanie – sila. № 3. 2009.
19. Doyle M. Kant, Liberal Legacies & Foreign Policy // Philosophy & Public Affairs. № 12. 1983. P. 205–235.
20. Le Bon G. La psychologie politique. Paris, 1910.
21. Lind M. The Next American Nation. The Nationalist and the Fourth American Revolution. N-Y, 1995.
22. The Embassy of Sir Thomas Roe to the Court, of Great Mogul, 1615-1619. London, 1926.